

Об архимандрите Кирилле (Павлове) и о явлении старчества - статья проректора Николо-Угреш

Старцы – это те, которые сами себя никогда не считали старцами... Потому что никогда не думали о себе и по-детски не видели в себе какого-то совершенства, но весь внутренний взор их, всё сердце устремлены к Богу.

Представить своим слабым рассудком всю глубину внутренней жизни старца невозможно. Потому что это совсем иная сфера, не понятная для ума плотского и эгоистичного, каковой обычно у всех нас. «Душевный человек не принимает того, что от Духа Божия <...> и не может разуместь, потому что о сем надобно судить духовно. Но духовный судит о всем, а о нем судить никто не может» (1 Кор. 2: 14 – 15).

Старцы – это те, рядом с которыми твой вопрос разрешается сам собой, потому что сам образ их, чистый от страстей лик, и благодать Христа, сияющая сквозь доброту глаз, разрешают все недоумения, всё расставляют внутри тебя по местам. И ты выходишь после общения со старцем внутренне обновленным.

Старчество измеряется не количеством прожитых лет, хотя зачастую Бог наделяет старцев весьма почтенным возрастом, – старчество измеряется мерой духовного возраста, зрелости, совершенства жизни во Христе.

Для меня отец Кирилл – живой образ преподобного Сергия Радонежского. Простая безыскусная жизнь, отсутствие малейших притязаний на что-либо, скромность во всем, непрестанная молитва и невыразимое словами смирение. Он не показывал никому своей духовной жизни, каких-то своих подвигов. Описать его аскетическое делание невозможно. Но как свидетельствовал митрополит Архангельский Даниил (Доровских), который долгое время был в Лавре благочинным и жил через тонкую стенку рядом с кельей батюшки, отец Кирилл часто молился всю ночь. После принятия многочисленных исповедей он становился на молитву в ночь.

Если бы любому из нас дать такую нагрузку, когда непрестанно идут вереницы людей с горем, бедой, унынием, выслушивать столько, сколько слышал батюшка на этих исповедах, то у нас просто надорвется нервная система. И только чистая от всего сердца любовь, любовь во Христе не даст внутренне выгореть. Владыка Даниил рассказывал, как однажды около полуночи, чтобы дать батюшке отдохнуть, вывел на улицу народ, сидевший в коридоре и дожидавшийся своей очереди к исповеди, а после этого отец Кирилл кротко сказал ему: «Они ушли, а у меня это всё на сердце, я спать не смогу».

Любовь, какую являл апостол Иоанн Богослов, она так явно чувствовалась в батюшке, что ты сам просто не мог уже оставаться прежним. Это и есть то главное, что отличало батюшку отца Кирилла – его какая-то удивительная способность вместить каждого в свое сердце. Рядом с ним ты просто погружался в атмосферу любви, любви неземной. Когда ты попадал к нему, то он весь вниманием обращен был только к тебе. Любовь, доброта, смирение – вот что исходило от батюшки, то, что невозможно сыграть, симитировать, и это либо есть в тебе, либо нет. И ты каким-то внутренним чувством явно ощущал, что с батюшкой – Сам Господь, и пока ты сам с батюшкой, то и с тобой тоже рядом Господь.

Старец имеет обычные душевные чувства, свои огорчения и свои радости. Отец Кирилл огорчался, что многие люди идут к нему, заранее приняв решение, подходят к батюшке с одной единственной просьбой: «Благословите меня на это. Благословите». Отец Кирилл кротко спрашивал: «Ну ты хоть расскажи про себя». Пришедший продолжал настойчиво требовать своего, батюшка смиренно благословлял, и посетитель радостно уходил, считая, что получил гарантию будущего счастья, вытребовав благословение и не

спросив простого совета. А отец Кирилл и в этом смирялся.

Благодатные дары старца проявляются тихо и скромно, не на показ. Рассказывал один лаврский монах, как увлекся он книгой оккультного содержания. Он полагал, что делает это с целью апологетики, чтобы знать, как опровергнуть ложное знание. Ночью его постигло страхование – сквозь сон он услышал, как дверь кельи открылась, кто-то страшный вошел и приблизился к нему. Монах прочитал молитву, перекрестился – устрашающее видение исчезло. Вечером на Всенощной он рассказал на исповеди отцу Кириллу про видение. Батюшка накрыл его голову епитрахилью, возложил руки, чтобы прочитать разрешительную молитву, но на минуту задержался, помолчал, а потом наклонился и ласково спросил: «А ты не читал книги оккультного содержания?» Монах признался, раскаялся, и после этого батюшка произнес разрешительную молитву. Подобных ночных страхований больше не повторялось.

Отец Кирилл никогда не искал сверхъестественных дарований. Целью всей его жизни было – жить со Христом. А будучи со Христом, он получал от Христа благодатные дарования, причем и сам не считал, что обладает этим, а только ради духовных нужд людей проявлялось это само собой, без вычурности, просто и безыскусно.

Люди идут к старцу, чтобы получить чудесное исцеление. Но смысл старчества не в том, чтобы снять с человека возложенный на него Богом крест, а чтобы вселить духовные силы к несению этого креста, помочь обрести радость и смысл там, где человек даже не мог помыслить.

Сколько людей переломало себе судьбу только лишь потому, что в критической ситуации приняло неправильное решение, обрушило ранее сделанное и ушло неизвестно куда. Слово старца способно вовремя отрезвить, остановить, уберечь от неправильного решения. Ведь самое главное – чтобы в решении не было влияния никакой страсти, чтобы решение исходило из спокойной и незамутненной души, и потому недостаточно нам опираться лишь на себя, важен опытный духовник, тот, кто сам не замутнен страстями.

В моей жизни был такой случай. Я поступал в Московскую духовную семинарию в августе 1993 года, конкурс составлял четыре человека на место, если не больше, и я был принят только кандидатом на место. Это означало, что учиться нельзя, но вроде как через год будет больше возможностей поступить (так нам, кандидатам, сказали). Можно

было остаться трудиться, чтобы жить уже при семинарии. Поначалу я уехал, однако дома ясно почувствовал, что моя душа уже в Лавре, дома себя не нахожу, и, хотя мне предлагали поступить куда-нибудь в светский ВУЗ, я поехал в Лавру, в семинарию. Основное послушание дали на второй проходной, это хозяйственные ворота, через которые ездят машины на территорию академии. Нам запрещалось пропускать через ворота кого-либо из студентов, но так как эти ворота значительно сокращали путь от учебного корпуса семинарии к столовой, то нас, дежурных, частенько просили через ворота пропустить. Являя, как казалось, братскую любовь и понимание, я не уставал бегать с ключами от своей будки к воротам, пропуская довольных семинаристов. А потом меня вызвал проректор-архимандрит и твердым решительным голосом сказал: «У вас там на второй проходной постоянно ходит народ. Это ворота хозяйственные, через них машины ездят, и ходить кому-либо там не положено. Сколько раз мы уже говорили, и всё как об стенку горох. Так что хотите уезжайте, хотите оставайтесь, только в семинарию Вас мы уже не возьмем». На тот момент это звучало как смертный приговор, как диагноз врача, который сказал о неизлечимой болезни со скорым летальным исходом. Я пришел в страшное смятение, поначалу даже думал готовиться к отъезду, но затем поспешил к батюшке отцу Кириллу.

В келье батюшки, как всегда, было ощущение чего-то неотмирного, неземного, ты словно окунался в изобилие благодати, соприкасался с Раем, и уходили все страсти, тревоги, переживания. Батюшка говорил мирно, спокойно, он очень просто сказал, что уезжать никуда не нужно, всё будет хорошо. Не знаю, какие духовные законы включились, но после этого всё душевное смятение как рукой сняло. Всего несколько простых слов, но сказанные духовным человеком, и всё внутри поменялось. Я спокойно трудился дальше, твердо заявляя семинаристам, что не могу их пропускать. Молился и верил, что слово батюшки исполнится. Через месяц, в ноябре, меня зачислили в семинарию, и это было просто какое-то чудо, которое определило весь мой дальнейший жизненный путь.

Был еще такой случай. Через год меня вызвали в местный военкомат, по пути я смог зайти к батюшке. Каждый день перед братским обедом в келье батюшки вычитывалось монашеское молитвенное правило, на которое могли приходиться и учащиеся семинарии. Мне удалось задать свой вопрос, и батюшка ласково и вместе решительно сказал, что ничего подписывать не надо и ни на что не соглашаться. Вот вышло так, что сам батюшка прошел Вторую мировую войну, имел ордена и медали, а мне не благословил идти в армию. В сергиевепосадском военкомате, надо сказать, на меня оказали немалое психологическое давление, одна сотрудница кричала так, что можно было уши закрывать, грозились выслать из города в 24 часа и т.д., но поскольку я попал к ним прямо от батюшки, то внутри у меня было абсолютное спокойствие, чего я сам от себя никак не ожидал. Я выполнил, как мне было сказано, ничего не подписал, у меня, правда, забрали приписное свидетельство, но последствий никаких не было. А через несколько месяцев началась война в Чечне.

Надо сказать, что батюшка не давал типовых благословений. Кому надо было идти в армию, того благословлял, кому не надо, тому давал другое благословение. Но тех, кто прошел через горячие точки, он всегда встречал с особой любовью. Так, Николай Кравченко, офицер-снайпер, участвовавший как разведчик в штурме Грозного в Первую чеченскую войну, с благословения батюшки стал священником. Отец Николай рассказывал о прозорливости батюшки, что часто сам старец тщательно прикрывал.

Смирение старца не поддается описанию. За всю мою жизнь мне не встретилось более смиренного человека, чем батюшка, отец Кирилл. Помню, как одна знакомая делилась, что пришла к батюшке и спрашивала: «Как мне поступить вот в такой ситуации?» А батюшка, ласково глядя на нее, смиренно ответил: «Не знаю». Она настаивала на своем: «Батюшка, как это так? Вы не можете не знать. Ну скажите, как мне поступить». А батюшка кротко улыбался и также смиренно отвечал: «Не знаю. Молись Богу».

Иногда Богу угодно, чтобы мы не знали быстрых и точных ответов, чтобы научились молиться, искать волю Божию, очищать себя и прислушиваться к голосу своей совести. Нам не всегда полезно быстро получать нужный ответ, потому что тогда разучимся и молиться.

Батюшка был невероятно смирен, но не считал себя смиренным, имел неизреченную любовь, но никогда не говорил об этом, а просто любил. Он просто жил смирением, кротостью, любовью, и потому к нему тянулись люди. Лаврские монахи говорят, что те, кто жил в обители вместе с батюшкой отцом Кириллом и окормлялись у него, те получили огромный духовный опыт, потому что видели наглядный пример. Те, кто пришли чуть позже, застали учеников старца, а самого батюшку в Переделкино и на одре болезни, они тоже получили многое, хотя и не в такой степени, а те, кто пришли после, уже не имели этого драгоценного опыта и не видели наглядно, кто же есть подлинный старец.

Старец не ранит своей прозорливостью проходящих людей, не повергнет их в прах и пепел своим «чудодействием». Старец не скажет молодоженам: «Тебе – в один монастырь, а тебе – в другой», – не даст непосильного благословения, не наступит на личную волю человека, он по примеру Самого Христа «трости надломленной не переломит, и льна курящегося не угасит» (Мф. 12: 20).

Когда мы говорим о старчестве и пытаемся это понять, то самое главное, наверное, заключается в том, что старец вмещает каждого пришедшего в свое сердце. И потому внутренне мертвые, угнетенные, задавленные люди выходили из кельи батюшки духовно воскресшими, напоенными неземной чистотой, свободой и радостью. Я видел это сам, да и со мной самим происходило это.

Один монах послан был на некоторое подворье, где жизнь с настоятелем складывалась крайне тяжело. Конфликты и общее нагнетание атмосферы измотало ему нервы, так что он готов был уже всё обрушить и просто уйти. Когда нести искушение казалось уже невозможным, перед тем, как всё обрушить, он позвонил в Лавру, и его соединили по телефону с кельей батюшки. Отец Кирилл стал мирно задавать самые простые житейские вопросы: какая на подворье погода, как там в целом идут дела и т.д. Но по мере самой простой и вроде бы бытовой беседы монах почувствовал, как в душе у него уходит накал страстей, отпадают переживания, и необдуманное решение рассеялось само собой. После беседы с батюшкой он вышел обновленным, и тут как раз навстречу ему шел настоятель. Встретившись глазами с монахом, настоятель испытующе посмотрел, как бы спрашивая: ну что, всё обрушишь и уйдёшь? Но увидев его мирные глаза, очистившийся от эмоций лик, настоятель словно сам преобразился, молча отошёл, и с этого момента конфликт был исчерпан.

Старчество – это не многоученая проповедь, не высокоумное наставление, не психотерапия и даже не урок по аскетике, а старчество – это многолетний опыт жизни во Христе. Это навык жизни по воле Божией, так что старец уже не может иначе, не может не любить, не сострадать, не молиться. К нему тянутся так, как тянутся к свету солнца, потому что оно светит и согревает. То, что казалось скорбью или безвыходной ситуацией, перестает пугать и угнетать, потому что уходит отчаяние. Ты вдруг видишь, что случившиеся беды – это как некая временная пелена, туман, за которым есть продолжение жизни. Всеми твоими скорбями в конечном итоге руководит Сам Господь, воспитывая тебя и пытаясь образовать из тебя христианина.

Господь не дал мне той внешней близости к батюшке отцу Кириллу, которой я очень желал. И до сих пор помню, как дверь монастырской проходной захлопнулась перед носом, поскольку я, еще совсем юный тогда студент семинарии, вовремя не успел проскочить за вереницей следовавших за отцом Кириллом после службы людей. Монастырское руководство вынуждено было ограничивать бесконечный поток людей, так как физически всех принять было просто невозможно. Но Господь дал мне за редкие минуты близости к батюшке почувствовать тишину и мир его души, безмолвие страстей, радость во Христе, благодать, святость и неземную любовь, которую он нес в себе.

Когда батюшка отошел ко Господу, то на прощание с ним я приехал всей своей многодетной семьей. Приехали мы ночью. Возле Лавры, как на Пасху, шли люди в храм. Успенский собор весь был заполнен. Встретилось много близких священнослужителей и мирян, увидел тех, кого не видел уже лет двадцать, а может, и больше. Но самое главное, что чувствовалось в храме – внутренняя близость собравшихся и какое-то пасхальное чувство торжества Жизни над смертью. Нас объединила батюшкина любовь, его искреннее благочестие и жертвенное предстояние пред Богом на протяжении многих лет дарованной ему Господом жизни.

Священник Валерий Духанин